

Михаил Бредис - филолог, автор книг по истории Балтии
Елена Тянина - историк-медиевист, археолог

ДАУГЕРУТИС – ПЕРВЫЙ КОРОЛЬ ЛИТВЫ?

*dīn vater was ein kunic grôß,
bie den zīten sīnen genôß
mochte man nicht vinden...*

*Твой отец был великий король,
В наше время равного ему
Невозможно найти...*

Ливонская Рифмованная хроника. Стихи 06383 –06385

На эти строки из речи князя Трениоты, обращённые к королю Миндаугасу, историки, как правило, ссылаются, как на доказательство существования литовской государственности уже в начале XIII века. В Хронике Быховца и некоторых других, основанных на ней, источниках как будто бы встречается и имя этого воспетого ливонским поэтом-хронистом князя – Ринголт (Ringaudas).¹ Однако эта генеалогическая связка возникла искусственно, в результате соединения автором Хроники Быховца сведений литовских летописей, где Ринголт выступает как последний князь из рода легендарного Палемона, и Ипатьевской летописи, которая повествует о деятельности Миндаугаса, ничего не говоря о его происхождении.² Кроме того, единственный летописный сюжет, связанный с самим Ринголтом, рассказ о русско-татарском походе на Литву,³ детально совпадает с дошедшим до нас в составе Ипатьевской летописи описанием похода на Литву русских и ордынских войск в 1274 г. («Ягурчиновой рати»)⁴. Всё это, возможно, и делает ценным упоминание имени Ринголта как удельного князя эпохи короля Трайдяниса (1269-1282 гг.), однако выводит его из круга лиц, среди которых следует искать отца короля Миндаугаса.

Чтобы очертить круг поиска этого исторического деятеля, нужно обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, этот литовский князь должен был жить и править в конце XII – начале XIII вв. Во-вторых, это был не рядовой князь, а правитель, чья роль в его эпоху сравнима с ролью Миндаугаса в 50-х. – начале 60-х гг. XIII века, коль скоро такое сравнение было сделано. И наконец, в-третьих, упоминание о нём в Ливонской рифмованной хронике сопряжено с определённым контекстом, а именно, с призывом к Миндаугасу отречься от христианства, несущего Литве «рабское ярмо и кабалу», и разорвать мир с Ливонским орденом,⁵ результатом которого стали дарственные

¹ ПСРЛ, Т. XVII. М., 2008, стб. 481.

² Jučas M. Lietuvos metraščiai ir kronikos. Vilnius, 2002, p. 114

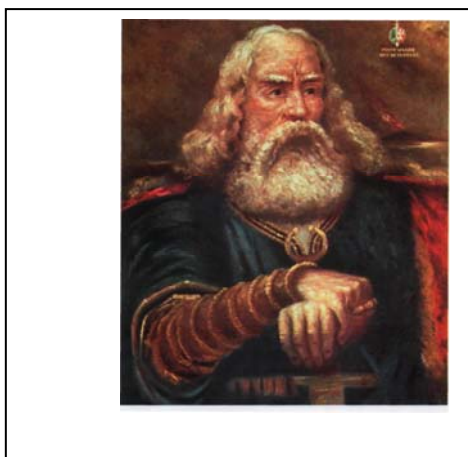
³ ПСРЛ, Т. XVII, стб. 249-250, 304

⁴ ПСРЛ, Т. II, М., 1998, стб. 871-872

⁵ Livländische Reimchronik/Atskaņu hronika. Rīga 1998, 179-180 (строки 06372-06426).

литовского короля на Жемайтию и многолетняя война жемайтов с крестоносцами. Именно в контексте этих требований Трениота упоминает о «великом короле» – отце Миндаугаса. Его короткая, но ёмкая «хвалебная ода» произнесена в такой форме, что она одновременно и прославляет королевского предка, и является упреком королю, чья значимость по сравнению с величием этого предка откровенно принижена. Слова «в наше время равного ему невозможно найти» сопряжены с оскорбительными эпитетами в адрес самого Миндаугаса, названного здесь же «одержимым безумием» и «безрассудным». Несомненно, что как сам князь Трениота, так и автор приведённых строк, прекрасно знали о каком деятеле идёт речь, и для Ордена, как и для Литвы, этот политик был достаточно известен. И именно он был для жемайтов начала 60-х годов символом борьбы с немецкими рыцарями, языческой государственности и верности литовским традициям.

Кто же реально мог претендовать на такую характеристику? Имена литовских правителей конца XII – начала XIII вв. имеются лишь в одном известном источнике – «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского. Среди них особо выделяется князь Даугерутис. Имя этого князя появляется на страницах «Хроники Ливонии» под 1213 г., где сообщается о его дипломатической поездке в Новгород, плене и гибели в застенках Венденской крепости.⁶ Тот же князь упомянут в этом источнике и прежде, под 1209 г., где автор хроники впервые сообщает ещё одно важное сведение о нём: его дочь была замужем за Всеволодом, князем соседнего русско-латгальского княжества Ерсика.⁷

Препятствием для того, чтобы считать Даугерутиса великим князем, обычно служит якобы расплывчатое определение его статуса Генрихом Латвийским в этом сообщении. Хронист пишет, что Всеволод Ерсикский был зятем *potentioris de Lethonia*⁸, что в русском издании «Хроники Ливонии» 1938 г. было переведено как «одного из могущественных литовцев». Однако в данном случае перевод может быть несколько иным. Латинское *potentis* является производным от *poterī* – «овладевать» и *potentatus* – «верховная власть» и может переводиться как «властвующий», «владеющий». Понятие *potentat* в

значении «верховный правитель», «государь», начиная с Г. К. Котошихина, употреблялось и в русском языке.⁹

Генрих Латвийский, избегающий привычных для него титулов *dux* или *regulus* в отношении нехристианских правителей, вполне мог воспользоваться подобным синонимом. При этом «титул» Даугерутиса имеет ту же конструкцию, которой хронист неоднократно пользуется именно для обозначения глав княжеств (*Woldemaro de Ploceke*, *Wissewalde de Gercike*) с одной лишь разницей – словом *potentis* здесь заменён не только титул, но и имя князя. Но это говорит скорее о том, что ведший погодные записи хронист в 1209 г. ещё не знал имени тестя Всеволода. Оно стало ему известно лишь в 1213 г., когда Даугерутис попал в руки венденских меченосцев. Исходя из всего вышесказанного, *potentioris de Lethonia* может означать «властителя Литвы» или «государя Литовского».

Великокняжеский статус Даугерутиса подтверждается и другими данными. Его династический альянс с князем Всеволодом подразумевает равное положение этих

⁶ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.-Л., 1938. с. 161.

⁷ Там же, с. 124.

⁸ Там же, с. 313

⁹ Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. М, 1910. (см. напр., первый Морской устав Петра I: «Всякий *потентат*, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который флот имеет, обе руки имеет»).

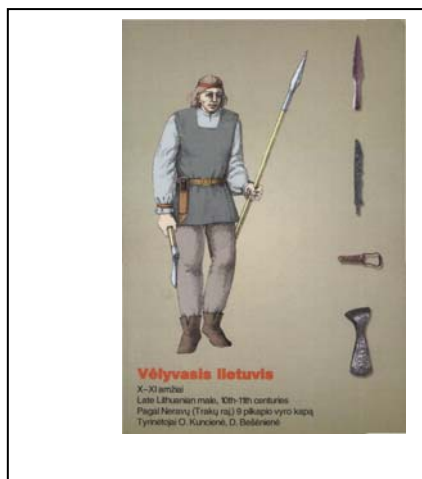
правителей в феодальной иерархии. Ерсикское княжество было довольно мощным и обширным, соизмеримым с тогдашней территорией княжества Литовского. Литовский правитель должен был находиться в равном с Всеволодом статусе и по отношению к общему сюзерену – великому князю полоцкому Владимиру, единственному властителю в регионе, кого Генрих Латвийский награждает титулом *magnus rex* – великий король.¹⁰ Кроме того, за династическим союзом в средние века стоял политический. И важность его, как для Литвы, так и для Ерсики особенно подчёркивается Генрихом Латвийским. Говоря о Всеволоде Ерсикском, он называет его «почти своим» для литовцев, пишет о том, что этот князь неоднократно предводительствовал отрядами литовских воинов, что литовцы практически постоянно присутствовали в его замке.¹¹

Тесное взаимодействие двух земель выходило далеко за рамки отношений между вассалами одного сеньора. По совокупности указаний источника можно сделать вывод, что политика Литвы на северном направлении в 1203 – 1213 гг. покоилась не столько на вассальных отношениях с Полоцком, сколько на военно-политическом союзе с Ерсикой. А этот союз, в свою очередь, на браке Всеволода и дочери Даугерутиса. Кто, как не великий князь, мог играть столь значительную роль, фактически определяя своими династическими связями внешнюю политику страны?

Другой момент касается посольства Даугерутиса в Новгород, где он заключает «мирный союз» с князем Мстиславом Удатным. Даже если предполагать, что посольство было инициировано Владимиром Полоцким, собственный высокий статус его главы для ведения переговоров со столь могущественным русским князем всё равно был необходимым условием.

Говоря о статусе литовского правителя, нужно отметить также то, что Литва до середины XIII в. управлялась не одним князем, а княжеским съездом или снемом. Такую форму правления фиксирует Ипатьевская летопись, повествуя о договоре Литвы с Волынью 1219 г., который со стороны Литвы заключали все князья. Среди снema князей выделяется «старейший» род, в котором был «старейший» князь (в известии Ипатьевской летописи таковым является Живинбутас).¹² Такая форма государственного устройства довольно известна, на Руси в XI – XIII вв. она носила название «лествичного права». Возможно, ещё и поэтому в титуловании Генрихом Латвийским Даугерутиса видны некоторые затруднения.

«Хроника Ливонии» впервые говорит о Даугерутисе под 1209 г. Между тем, альянс Литвы и Ерсики зафиксирован источником с 1203 г., а, значит, можно говорить, что Даугерутис уже тогда занимал стол. О том, когда и при каких обстоятельствах он пришёл к власти, можно лишь сделать предположение. В 1201 г. в только что отстроеной Риге

появились литовские послы и заключили мир с немцами против земгалов, на которых собирались отправиться в поход следующей зимой. Но финал этой военно-политической инициативы оказался неожиданным: «Услышав, однако, еще до вступления туда, что король полоцкий пришел с войском в Литву, они бросили семигаллов и поспешно пошли назад».¹³ Владимир Полоцкий тогда готовился к войне с появившимися в устье Двины немцами и был недоволен сепаратными контактами с ними своих вассалов. Возможно, великий князь преследовал цель не просто покарать огнём и мечом, но и сместить со стола инициатора договора. А это

см. напр. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. с. 302, 371

¹¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. с. 124-125.

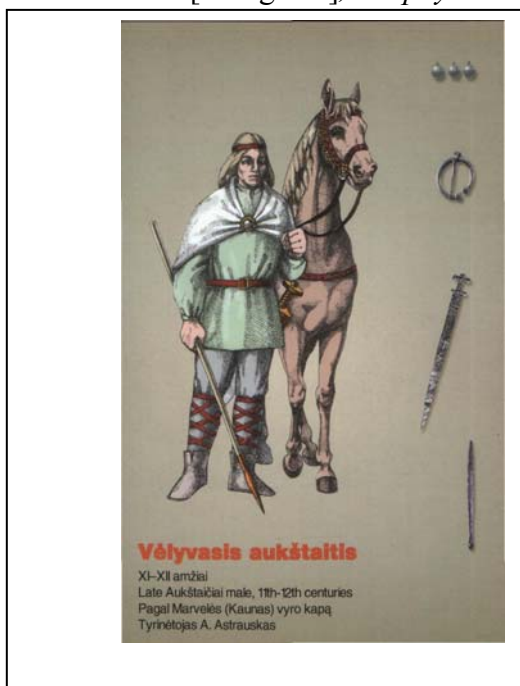
¹² ПСРЛ. Т. II. стб. 735-736

¹³ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, с. 80.

значит, что Даугерутис мог занять литовский стол в 1202 г. Его родство с князем Ерсики именно тогда в большей степени отвечало интересам сюзерена, так как давало Владимиру гарантию, что оба вассала создадут надёжный щит самому Полоцкому княжеству.

Отношения Литвы и немецкой Риги в период правления Даугерутиса напрямую связаны с противоречиями между активно проникавшими на Даугаву немцами и землями т. н. Полоцкой конфедерации. Первое свидетельство союза Литвы и Ерсики (1203 г.) совпало с началом войны Владимира Полоцкого за Ливонию, в которую оба княжества активно включились. Войну спровоцировал разрыв ливским князем Каупо вассальных отношений с Владимиром и его присяга рижскому епископу Альберту. Пока сам Владимир осаждал замок Гольм *«король Герцике, подойдя к Риге с литовцами, угнал скот горожан»*.¹⁴ В 1204 г. литовцы, в союзе с верными Владимиру ливами из Аскраде (нем. Ашераден, латышск. Айзкраукле), совершают второй поход под Ригу. Этот поход завершился сражением у Древней Горы. Битва закончилась «ничьей»: войска разошлись, устав сражаться. Однако угнанный скот на этот раз рижанам был возвращён, вероятно, по достигнутому соглашению.¹⁵ Характер этого соглашения проясняется уже в следующих строках источника.

Ранней весной 1205 года литовское войско, идущее в поход на Эстонию, мирно проходит через окрестности Риги: *«когда они шли вниз по Двине и проходили мимо города (Риги), один из них, человек богатый и очень властный [dives et prepotens], по имени Свельгате [Žvelgaitis], свернул к городу вместе с товарищами. В числе других, кто с миром вышли из города ему навстречу, был горожанин по имени Мартин, который угостил его медвяным питьем»*.¹⁶ Этот мир хронологически совпадает с перемирием между Ригой и Полоцком, но всё же его конкретные условия должны были быть оговорены отдельно, и, вероятнее всего, по итогам сражения у Древней Горы. Вернув рижанам их скот, литовцы получали «мирный коридор» для похода на эстов. Поэтому литовская рать без опаски идёт мимо Риги и, как положено по традиции, направляет посольство к воротам города для демонстрации отсутствия враждебных намерений.

Кровавая развязка наступила, когда войско с большой добычей и пленными тем же путём возвращалось назад. Пока литовцы воевали в Эстонии, в ситуацию неожиданно вмешался союзник рижского епископа и противник Литвы земгальский князь Виестурс, обвинивший рижан в нарушении договора с ним. Он уговорил их атаковать литовцев, даже предоставил заложников, демонстрируя готовность выставить войско для сражения: *«Когда войско было приведено, заложники были переданы в руки тевтонов, и семигаллы, показав, таким образом, свою верность, получили и помощь, и дружбу с их стороны»*.¹⁷ На пути из Эстонии к замку Икшкиле у селения Роденпойс (совр. Ропажы в Латвии) немецко-земгальское войско устроило литовцам засаду и напало на них. Напористость Виестурса была понятной: он враждовал и с Литвой, и с Полоцком и не мог допустить, чтобы его враги помирились с Ригой. Это могло повлечь за собой военный союз уже против Земгалии. Сложнее выяснить мотивы поступка рижан.

атаковать литовцев, даже предоставил заложников, демонстрируя готовность выставить войско для сражения: *«Когда войско было приведено, заложники были переданы в руки тевтонов, и семигаллы, показав, таким образом, свою верность, получили и помощь, и дружбу с их стороны»*.¹⁷ На пути из Эстонии к замку Икшкиле у селения Роденпойс (совр. Ропажы в Латвии) немецко-земгальское войско устроило литовцам засаду и напало на них. Напористость Виестурса была понятной: он враждовал и с Литвой, и с Полоцком и не мог допустить, чтобы его враги помирились с Ригой. Это могло повлечь за собой военный союз уже против Земгалии. Сложнее выяснить мотивы поступка рижан.

¹⁴ Там же, с. 84

¹⁵ Там же, с. 85-86.

¹⁶ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, с. 88

¹⁷ Там же, с. 89

Генрих Латвийский оправдывал вероломство немцев тем, что якобы упомянутый Жвелгайтис подговаривал своих собратьев напасть на Ригу. Но Роденпойс расположен на пути к Икшкиле или Леневардену, а не к Риге, то есть литовцы не только не собирались нападать на Ригу, но и вообще направлялись на восток от неё. Быть может, объектом их атаки должны были стать упомянутые выше замки? Но об истинных планах литовских воинов красноречиво свидетельствует описание стычки. Войско не только не заняло боевых позиций, но и вообще большинство воинов погибли, не успев сесть на коней и взяться за оружие. Жвелгайтис был убит даже не в седле, а сидя на санях,¹⁸ что полностью снимает с него обвинение в подготовке ещё какого-либо нападения. Поход был завершён, и войско шло, сложив оружие и доспехи на сани вместе с захваченной добычей, как шло бы по собственной земле. И, конечно же, не якобы имевшиеся враждебные планы литовцев, а богатая добыча, захваченная теми в Эстонии, побудила рыцарей внять призывам Виестурса и коварно нарушить мирный договор.

Интересно, что, несмотря на столь явное и открытое предательство немцев, литовцы времят с походом отмщения. Их войско появляется в пределах Ливонии лишь в декабре 1207 г., то есть почти через три года после Роденпойса. Но это легко объяснить, так как в предшествующие годы мир с Ригой соблюдает сюзерен Даугерутиса Владимир Полоцкий. Ситуация меняется как раз в 1207 г., когда епископ Альберт в землях ливов Турайды подавил выступление верного Полоцку князя Ако и добился повиновения вассальной присяге, принесённой прежде князем Каупо. Вот тогда полоцкий князь денонсировал мир 1204 г., а на отложившихся данников пришла литовская рать, которую теперь уже ничего не сдерживало в стремлении отомстить за Роденпойс.

Из источника хорошо видно, что литовцы не ограничиваются обычными грабежами и не торопятся уйти с добычей. Они ищут сражения, опустошая волость епископа до тех пор, пока немцы не собирают войско. А дальше следует классический вызов противника на бой, сопряжённый с обвинением его в прежнем вероломстве: *«предводитель войска со своими спутниками подъехал ближе к замку и, вызвав старшего, спросил, где собрались христиане, и сказал: «Поди, извести христиан, которые два года назад перебили, как во сне, мое войско, возвращавшееся из Эстонии, что теперь они найдут и меня и людей моих бодрствующими».*¹⁹

В этом описании, ярко отобразившем благородный жест литовского князя, бросающего вызов в соответствии с рыцарскими традициями, следует обратить внимание на одно обстоятельство: князь, возглавлявший поход, называет павшее при Роденпойсе войско своим. Но командиром погибшей дружины, вроде бы, назван Жвелгайтис, который был также убит. Выходит, он предводительствовал не своим войском?

Численность литовцев при Роденпойсе (около 2 тысяч конных), указывает на то, что перед нами не мелкий удельный отряд (обычно составлявший около 500 чел.), а крупная рать, скорее всего великокняжеская. Практика великих князей посылать во главе собственной дружины одного из вассалов, как правило, ближайшего родственника и претендента на великий стол, широко известна, например, в средневековой Руси. И если считать командующим войска, разбитого при Роденпойсе, Жвелгайтиса, то здесь обозначена схожая традиция. К Жвелгайтису «Хроникой Ливонии» применён латинский термин *prepotens* – «очень владетельный», «имеющий большую власть», что вполне согласуется с положением удельного князя из «старейшей» династии, возможно, второго лица в стране.

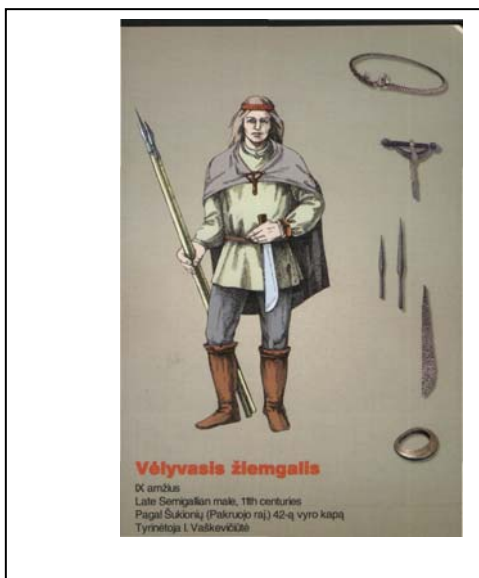
Но можно предположить и другой вариант. В описании похода 1205 г. есть немаловажная деталь: пока Жвелгайтис общался с рижанами, остальное войско ушло вперёд без него. Этот эпизод ставит под сомнение то, что этот князь командовал всей

¹⁸ Там же, с. 90-91.

¹⁹ Там же, с. 111

дружиной. Возможно, в его лице мы имеем лишь одного из руководителей похода, а главнокомандующим был сам великий князь, которому чудом удалось уцелеть во время резни и бежать на родину.

Сражение, которого так искал Даугерутис, состоялось при Аскраде 24 декабря 1207 г. и было проиграно литовцами, хотя как видно из описания битвы, победа далась немецким рыцарям очень нелегко: *«Литовцы, превосходящие другие народы быстротой и жестокостью, обещавшие бодрствовать в ожидании битвы, долго и храбро сражались»*.²⁰ Но, в конце концов, литовская рать бежала, оставив победителям поле боя и добычу.

Следствием этого поражения, вне всякого сомнения, стал ответный немецко-земгальский поход на Литву в 1208 г. Инициатором кампании Генрих Латвийский опять называет Виестурса Земгальского, который вновь прибыл в Ригу с воинственными призывами. По словам хрониста, немцы поначалу не желали идти в поход, ссылаясь на малое количество крестоносцев в Риге. Но всё же вопрос о выступлении решился положительно: *«уступив, наконец, его [Виестурса] настойчивым просьбам и упрямой смелости безрассудных людей, собиравшихся с ним идти, решили не запрещать им воевать, наоборот, отпустить их на бой в послушании, чтобы не подвергать опасности вместе с телами и души. Итак, послали с Вестгардом человек пятьдесят или немного больше рыцарей и баллистариев, а также многих братьев рыцарства христового»*.²¹ В этой короткой фразе Генрих Латвийский, можно сказать, проговорился. Войско числом в «пятьдесят или немного больше» одних рыцарей представляло собой довольно значительное подразделение. Для сравнения, около 50 рыцарей меча погибли при Сауле, и этого оказалось достаточно, чтобы Орден меченосцев прекратил существование. А наличие в составе немецко-земгальского войска баллистариев говорило о намерениях немцев штурмовать крепости, а не просто грабить сёла. То есть это была не авантюра, спровоцированная уговорами Виестурса и «безрассудством» некоторых рижан, а крупная военная операция Ордена и первая попытка немецких рыцарей продвинуться в Литву. И идея её возникла благодаря стремлению развить успех, полученный в битве при Аскраде. А попытка Генриха Латвийского умалить цели этой операции, скорее связана с её плачевным для коалиционного войска результатом.

Упоминание о непрерывных дождях и ливнях указывает на то, поход состоялся осенью 1208 г. Большое немецкое войско, усиленное отрядами земгалов, которых, по свидетельству Хроники Ливонии, было больше по числу, чем немцев, вошло в литовские земли. Но литовская разведка сработала на славу. Союзники обнаружили деревни опустевшими. Не получив никакой добычи, земгалы поспешили назад, поняв, что их ждали, и вместо безоружных поселян где-то поблизости находятся «бодрствующие» литовские воины. И они не ошиблись: вскоре войско было окружено и разбито наголову. Земгалы обратились в бегство, а почти все немецкие рыцари были убиты или уведены в плен. *«На горе обратилась арфа рижан, и песня их стала песней слез»*, – сообщает нам хронист, раскрывая тем самым истинные масштабы неудачи.²² Участвовал ли со стороны

²⁰ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, с. 111-112

²¹ Там же, с. 117.

²² Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, с. 118.

литовцев в этой битве сам великий князь и его дружина? Видимо, да, учитывая значительные силы нападавших. Даугерутис сполна отомстил за Роденпойс.

Это была первая победа литовцев над немецкими рыцарями и первое крупное поражение воинства Христова на прибалтийской земле. К сожалению, у этой битвы нет громкого имени, место, где она состоялась, не указано источником даже примерно. Из деталей сообщения хрониста понятно, что противник вторгся в Литву с территории Земгале. Так как в состав Литвы тогда ещё не входила Жемайтия, вторжение могло произойти лишь в районе верхнего течения р. Нявежис, где средневековыми источниками локализуется земля Упите (Opiten). Только она из собственно литовских земель в начале XIII в. граничила с Восточной Земгалией. Более точно указать место сражения 1208 г., к сожалению, не представляется возможным.

Победа литовцев оказала большое влияние на расстановку сил в регионе. Епископ Альберт обвинил в поражении князя Виестурса, что привело к распаду немецко-земгальского союза. А примерно через год Курземе, Земгале, Полоцк, Ерсика, Литва и часть ливов и эстов заключили соглашение, направленность которого не вызывала сомнений: *«и все искали способа как бы разрушить Ригу, а тевтонов захватить хитростью и всех убить»*. Это была первая в истории народов Прибалтики попытка выступить против немецкой экспансии единым фронтом. Однако военные действия сил коалиции оказались неудачными: литовцы потерпели поражение под Кокнесе, а курши – под Ригой.²³ Воодушевившись успехом, епископ Альберт решил расколоть коалицию изнутри и отправил послов к Владимиру Полоцкому, прося у него мира в обмен на свободу торговли по Даугаве и сохранение за Полоцком права на сбор дани в земле ливов. В том же 1210 г. мирный договор был подписан.²⁴ Именно это соглашение, расколовшее антирижскую коалицию, стало причиной первого серьёзного конфликта между Даугерутисом и его сюзереном. Литовцы прекратили войну, но союза с земгалами и куршами не разорвали, а через два года в Ерсикю на переговоры о возобновлении мира полоцкая делегация прибыла в доспехах, опасаясь нападения литовцев.²⁵

Но полочане зря опасались литовских засад на Двинском пути. В тот же год Литва (возможно под давлением Полоцка) всё же присоединилась к перемирию, выдвинув те же условия, что и в 1204 г.: *«В это время пришли литовцы в Кукенойс и просили пропуска к эстам. И дан был им мир и проход разрешен к еще не обращенным эстам»*.²⁶ Вопреки обещанию, однако, литовцы разорили область Саккалу, подчинённую рижскому епископу. При этом, помня о Роденпойсе, они вернулись назад другой дорогой, а в ответ на возмущение немцев, ответили, что эсты, даже подчинившиеся Риге, *«всё ещё выступают, подняв голову, не повинуюсь ни тевтонам, ни кому другому»*. Такой ответ скорее был похож на издёвку, однако, немцев он удовлетворил (*«да и это было правдой»*, - констатирует Генрих Латвийский). Занятый покорением Эстонии и наученный поражением в земле Упите, епископ Альберт пока не хотел связываться с Литвой. Но вмешавшиеся в события венденские меченосцы, всё же нарушили планы главы рижской церкви, став причиной гибели великого литовского князя.

Прежде чем перейти к обстоятельствам гибели Даугерутиса, следует разобрать такое, на первый взгляд, неожиданное и даже несколько загадочное событие, как посольство литовского князя в Новгород и его договор с Мстиславом Удатным. Новгородские летописи об этом договоре не упоминают, что, однако, вполне объяснимо его недолгим существованием. Был ли его инициатором сам литовский князь, или его дипломатическая поездка была инспирирована Владимиром Полоцким? Скорее всего, оба обстоятельства имели место. По свидетельству источника договор Даугерутиса с

²³ Там же, с. 130-132.

²⁴ Там же, с. 133, 136.

²⁵ Там же, с. 152.

²⁶ Там же, с. 160.

Мстиславом не был направлен против немцев: он назван источником просто мирным. Но Литва не имела в Новгородском государстве собственных интересов, ей не нужно было ни враждовать, ни мириться с ним. Все её военные столкновения с новгородцами были напрямую связаны с политикой её сюзерена Полоцка, отношения которого с Новгородом были напряжёнными на протяжении всей истории сосуществования двух государств. А с приходом к власти князя Владимира полочане часто прибегали к военной силе литовцев для решения своих усобных споров с северным соседом.

Если вспомнить, что Литовское княжество в этот период постоянно «ходит в воле» полочан по вопросам мира и войны с Ригой, то здесь мы ещё более вправе предположить подобные же отношения. Но с другой стороны, сама идея прекращения полоцко-новгородских уобиц могла исходить и от Даугерутиса. Появившиеся в крае крестоносцы и их агрессивный натиск на прибалтийские земли в корне меняли сложившуюся в течение двух веков ситуацию. И литовский князь, чья страна держала «первый эшелон» обороны земель Полоцкой конфедерации, должен был понять это первым. Понять, и, получив одобрение сюзерена, отправиться к его извечному противнику с призывом «вложить в ножны свои мечи» перед общей опасностью. Кроме того, приход в Новгород с мирной инициативой именно литовского князя давал особые гарантии новгородцам в прекращении «наведения» на их земли литовских ратей.

События, связанные с дипломатической миссией Даугерутиса в «Хронике Ливонии» оказались тесным образом переплетены не только с его пленом и смертью, но и с разрывом литовско-немецкого перемирия, якобы имевшего место накануне посольства. Генрих Латвийский излагает события в такой последовательности:

«Литовцы, не заботясь о заключенном с тевтонами мире, пришли к Двине и, вызвав некоторых из замка Кукенойс, метнули копьё в Двину в знак отказа от мира и дружбы с тевтонами. И собрали большое войско и, переправившись через Двину, пришли в землю лэттов, разграбили их деревеньки и многих перебили; дойдя до Трикатуи, захватили сеньора этой области Талибальда и сына его Варибулэ, а затем перешли Койву, у Имеры застали людей по деревням, схватили их, частью перебили и в друг со всей добычей повернули назад...

*...В это время Даугерутэ, отец жены короля Всеволода, с большими дарами отправился к великому королю новгородскому и заключил с ним мирный союз. На обратном пути он был схвачен братьями-рыцарями, отведен в Венден и брошен в тюрьму. Там держали его много дней, пока не пришли к нему из Литвы некоторые из друзей его, а после того он сам пронзил себя мечом».*²⁷

Приведённое описание вызывает множество вопросов. Почему литовцы в столь резкой форме разорвали мир? Почему немедленно после объявления войны обрушились на земли латгальского князя Таливалдиса, куда прежде никогда не направляли своих набегов? Как связан разрыв перемирия с посольством Даугерутиса, и связан ли вообще? То, что вслед за «нотой» об объявлении войны, переданной в соответствии с традициями варварской дипломатии, последовал поход в область Таливалдиса, содержит некое указание на то, что ответственность за разрыв мира литовцы возложили либо на самого латгальского князя, либо на Орден меченосцев, вассалом которого он был. Но именно меченосцы пленили Даугерутиса, и именно в их замке Венден он погиб.

Чтобы прояснить ситуацию, нужно обратить внимание на начальную фразу сообщения о посольстве и гибели Даугерутиса: «в то же время». Это указывает на то, что автор строк сомневался в относительной хронологии событий. Значит, Даугерутиса могли пленить в пределах того же 1213 г., как раньше, так и позже объявления войны, или его посольство совпадало по времени с прекращением перемирия. Для определения этой последовательности следует обратиться к обстоятельствам пленения Даугерутиса. Из

²⁷ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, с. 161.

источника видно, что литовского князя захватили меченосцы, а точнее венденские братья во главе с их комтуром Бертольдом.²⁸ Это прямо указывает на то, что он возвращался из Новгорода через их владения или в непосредственной близости от них. Скорее всего, Даугерутис ехал в Литву через Ерсикю и его путь проходил как раз через латгальские владения меченосцев в Толове, где он и был схвачен. Трудно себе представить, что посольство в условиях уже объявленной войны избрало бы путь на родину сквозь только что разорённую литовскими войсками землю. Ничто не мешало ему возвращаться, например, через Полоцк. Другое дело, если в этот момент между Литвой и немцами ещё действует перемирие. Следовательно, и само посольство, и пленение литовского князя относятся к событиям до разрыва мира.

Но тогда война не могла начаться, пока Даугерутис был заложником в венденской тюрьме. Приход в Венден делегации его «друзей» явно для выкупа свидетельствует о том, что даже в ответ на столь явный произвол Бертольда и его братьев, война не была объявлена. Вряд ли какие-то переговоры о выкупе пленника могли иметь место после разорения Толовы.

Ещё большей загадкой выглядит последовавшее за приходом делегации с выкупом самоубийство литовского князя на пороге освобождения, как вызывает недоумение способ, которым Даугерутис покончил с собой. Знатного пленника должны были содержать с почётом, но вряд ли даже князя могли держать в заключении с оружием. Где же Даугерутис раздобыл меч, чтобы пронзить себя? Напрашивается совсем иная версия. Узник венденской тюрьмы не кончал с собой. Его дипломатическая инициатива показалась Бертольду слишком опасной. А так как интересам Риги и епископа Альберта тогда отвечало перемирие с Литвой, он решился на провокацию. Вероятно, получив выкуп от «друзей» Даугерутиса, венденский «магистр» просто приказал убить пленного князя. Никак иначе нельзя объяснить, каким образом безоружный пленник убил себя мечом. И почему он сделал это как раз в момент приезда делегации с выкупом. Это нелепое сообщение могло быть официальной версией, переданной литовским послам вместе с телом их великого князя, которое они наверняка потребовали для погребения. Дальнейшие же события легко укладываются в приведённую хронологическую схему.

Литва в ответ на вероломный захват и убийство своего князя официально разорвала перемирие, и первый удар литовского войска обрушился на земли меченосцев и их латгальских вассалов, виновных в гибели Даугерутиса. В том же году, уже после разорения Толовы, литовцы дважды нападают на Ливонию. При этом второй поход был вновь направлен против Бертольда Венденского, направление же первого понять трудно, так как рать была остановлена и разбита под Леневарденом.²⁹ А в конце 1214 г. литовское войско пришло на помощь Всеволоду Ерсикскому и обратило в бегство захвативших его замок немцев и латгалов.³⁰ И эта война ведётся уже без оглядки на Владимира Полоцкого, который решился на создание коалиции против немцев лишь в 1216 г., накануне своей смерти. Сдавая немцам позиции в Прибалтике, Полоцк постепенно выпускал из своих рук первенство в регионе.

Внезапная смерть Владимира Полоцкого в 1216 г. помешала созданию второй коалиции и окончательно завершила в истории Литвы почти двухсотлетний период «полоцкой гегемонии». Сам Полоцк надолго попал в руки смоленских князей, которые мало интересовались Прибалтикой. Всеволод Ерсикский, оказавшийся между двух противников и потерявший единственного союзника, окончательно принёс присягу Риге. А через год в сражении с эстами при Вильянди погиб и убийца Даугерутиса Бертольд

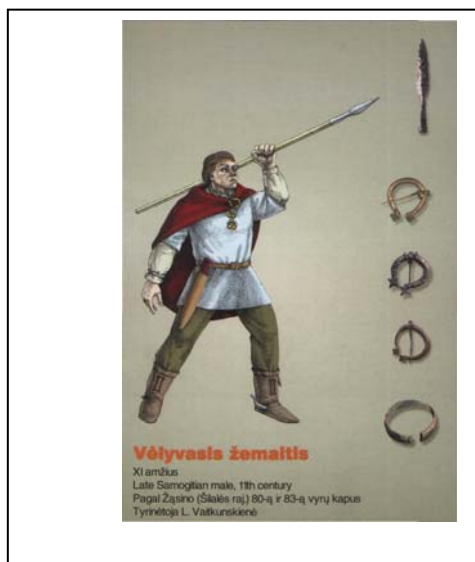
²⁸ Эта часть орденских братьев отличалась независимостью не только по отношению к епископу Альберту, но и к магистру меченосцев Фолквину. Комтур Вендена Бертольд в «Хронике Ливонии» даже неоднократно именуется магистром.

²⁹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, с. 162

³⁰ Там же, с. 168.

Венденский. Эта цепочка событий, начавшаяся с гибели великого литовского князя, привела к прекращению Литвой всяких отношений с Ригой. Литовское государство вступило в новый период, когда у его внешней политики появились другие приоритеты, прежде всего, Волынское княжество.

Всё десятилетие правления Даугерутиса Литовское княжество оставалось верным вассальной «роте» Полоцку. Но это было уже скорее не реальной зависимостью, а данью многолетней традиции отношений в регионе, где великий полоцкий князь считался верховным сюзереном. Литовское княжество в этот период – уже сложившееся языческое государство с собственной политической и правовой традицией и своими интересами. В союзе с Ерсикой Литва держала первую и основную линию обороны и нападения Полоцкой конфедерации. Она ещё постоянно терпит военные поражения от крестоносцев, чей боевой опыт и оснащение армии были на порядок выше. Но жертвы были не напрасны. Молодое государство набирало военный и дипломатический опыт. Об этом говорит первая крупная победа литовцев над пришедшими на их земли немецкими рыцарями и земгалами в сражении 1208 г., а также первая, зафиксированная источниками, дипломатическая инициатива, и первая попытка объединиться с другими прибалтийскими князьями для отпора крестоносцам.

Политика Даугерутиса находит удивительно точные параллели в тех патриотических призывах, которые бросали королю Миндаугасу жемайтские послы и князь Трениота, вспоминая о славной эпохе правления его отца. Жемайты требовали разорвать «кабальные» для них соглашения Миндаугаса с Орденом. А Даугерутис дважды пострадал от коварства рыцарей, и пример этот недвусмысленно показывал потомкам, чего стоят обещания христовых братьев. Однажды они вероломно напали на его войско, а второй раз предательски пленили, а затем, скорее всего, убили его самого. Противостояние жемайтов с крестоносцами к 1261 г. фактически вызвало к жизни давно распавшуюся коалицию 1210 г., в которую вошли всё те же земгалы и курши. Кроме того, Трениота предлагает Миндаугасу не

только разорвать мир с Орденом, но и послать посольство к русским, в Новгород и Псков для заключения военного союза. Точно также как это сделал Даугерутис накануне своей гибели. Политическая программа жемайтского посольства - возвращение именно к той политике, на основе которой создавался фундамент литовского государства и которую проводил в жизнь великий литовский князь Даугерутис. И этот князь и есть тот самый *kunig groß*, которого так недоставало Литве в тот тяжёлый для страны момент, когда она вновь должна была отстаивать свою государственность.